

ВОЕННОПЛЕННЫЕ...

Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД—МВД СССР на Дальнем Востоке России (30—50-е годы XX в.)

Елена Юрьевна БОНДАРЕНКО, кандидат исторических наук, доцент ВИМО АТР ДВГУ

Зарождение в СССР лагерной системы для военнопленных и интернированных произошло в самом начале второй мировой войны. 17 сентября 1939 г. по решению советского правительства части Красной Армии перешли советско-польскую границу и заняли территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. К 25 сентября красноармейские войска достигли рубежа рек Западный Буг и Сан, установленного в результате советско-германских секретных договоренностей. На пути движения советские войска почти не испытывали сопротивления, за исключением отдельных случаев. Целые части и соединения польской армии добровольно складывали оружие. Поэтому ко 2 октября 1939 г. в плен были взяты 452 536 польских военнослужащих в том числе 18 789 офицеров¹.

Руководство НКВД тщательно готовилось к приему военнопленных. Необходимость разработки и утверждения Положения о военнопленных была вызвана причинами, уходящими своими корнями в 20-е годы. 27 июля 1929 г. в Женеве на Международной конференции были приняты конвенции «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Советский Союз не участвовал в работе этой конференции. И хотя обе конвенции были тесно связаны друг с другом, руководство СССР решило признать лишь одну из них. 25 августа 1931 г. народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов подписал соответствующую декларацию, и с 26 марта 1932 г. конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» вошла в силу для СССР, Конвенция «Об обращении с военнопленными» вплоть до подписания в 1949 г. в Женеве новой конвенции о военнопленных так и осталась проигнорированной советским руководством, поскольку «... режим, устанавливаемый этой конвенцией, представляется ему мало удовлетворительным. Не связывая себя формально какими-либо конвенциями по этому вопросу, СССР будет разрешать его в порядке своего внутреннего законодательства»².

19 марта 1931 г. постановлением ЦИК и Совнаркома СССР было утверждено «Положение о военнопленных» на территории Советского Союза». Однако в 1939 г. оно перестало удовлетворять руководство страны, и был подготовлен проект нового документа, который 20 сентября 1939 г. одобрил Экономический совет при СНК СССР. 19 сентября 1939 г., т. е. еще до того, как проект «Положения о военнопленных» был одобрен Экономическим советом, Л.П. Берия издал приказ № 308 «Об организации лагерей военнопленных», согласно которому, со ссылкой на «Положение», при НКВД организовывалось Управление по военнопленным (УПВ). Задачи последнего были определены «Положением об Управлении по делам военнопленных при НКВД Союза ССР». В НКВД контроль над работой УПВ возложили на заместите-

ля наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова, одновременно являвшегося и начальником ГУЛАГа.

20 сентября 1939 г. Экономический совет при СНК СССР утвердил нормы продовольственного снабжения военнопленных. Были также введены в действие «Положение о лагере для военнопленных» и «Временное положение о медико-санитарном обслуживании военнопленных в системе Управления НКВД СССР по делам военнопленных», Тогда же вступили в силу «Временная инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» и «Правила внутреннего распорядка лагеря НКВД для содержания военнопленных»³.

На 22 июня 1941 г. в составе Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР числилось 8 лагерей на 40—45 тыс. мест, в которых находились 27 435 польских военнопленных⁴. В сентябре и октябре 1941 г. 25 115 пленных поляков были переданы на формирование Польской армии на территории СССР⁵.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз органы НКВД предприняли попытку развернуть 30 предполагавшихся на случай войны приемных пунктов военнопленных. К 22 июля их было развернуто 19. Однако советские войска, оказывая мужественное сопротивление противнику, отступали в глубь страны, неся огромные потери в живой силе и технике. В плен при этом попадали лишь немногие вражеские солдаты, и особой необходимости в приемных пунктах и лагерях не было. В августе 1941 г. в подчинении УПВИ осталось только 3 лагеря, рассчитанных на 8—9 тыс. чел.

1 июля 1941 г. СНК СССР утвердил новое «Положение о военнопленных», в котором закреплялся порядок их содержания в СССР. После выхода в свет этого документа НКВД разработал и утвердил инструкции, развивавшие и дополнявшие Положение от 1.07.1941 г.: о конвоировании военнопленных, порядке их учета и содержания в лагерях.

В конце 1941 г. в связи с незначительным объемом работы с вражескими военнопленными на УПВИ НКВД были возложены дополнительные обязанности по руководству специальными лагерями, созданными по решению ГКО № 1069 СС от 27 декабря 1941 г. В этих лагерях содержались и проходили проверку вышедшие из окружения или освобожденные из немецкого плена военнослужащие Красной Армии. В конце войны, когда вражеских пленных стало больше, советских военнослужащих перестали посылать в такие лагеря.

3 августа 1942 г. заместитель наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглов утвердил «Положение об Управлении НКВД Союза ССР по делам о военнопленных и интернированных». В соответствии с этим документом в структуре УПВИ впервые создавался организационно-производственный отдел, в задачи которого входила организация трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов, разработка планов подготовки сети приемных пунктов и лагерей, а также их формирование. С конца 1942 г. в функции УПВИ была включена и оперативно-розыскная деятельность.

На 1 марта 1943 г. в утвержденном НКВД СССР списке значилось 35 лагерей для военнопленных, в том числе 4 офицерских. И число их, в связи с успехами советских войск на фронтах Великой Отечественной войны, увеличивалось с каждым годом. К началу 1944 г. в системе УПВИ находились уже более 100 тыс. военнопленных, размещенных в 52 лагерях (6 офицерских, 34 для рядового состава и 12 фронтовых приемно-пересыльных), 66 приемных, 20 сборных пунктов и 4 оперативных объекта⁶.

В 1944 г. происходит дальнейшее совершенствование фронтовой сети УПВИ. Взятые в плен военнослужащие вражеских армий попадали в полковые и дивизионные пункты, а оттуда передавались в армейские пересыльные пункты военнопленных (ППВ). Здоровые военнопленные из ППВ направлялись на фронтовые сборные пункты военнопленных (СПВ), отсюда — во фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ), а затем — в тыловые

производственные лагеря. Приказом НКО СССР № 098 от 23 апреля 1944 г. «Об упорядочении эвакуации военнопленных из войсковых районов», подписанным маршалом А.М. Василевским, впервые было четко определено оптимальное удаление от переднего края дивизионных пунктов, ППВ, СПВ и ФППЛ, соответственно 10—12, 25—30, 50—70 и 100—120 км. Больных раненых и обмороженных из армейских приемных пунктов полагалось направлять в специальные госпитали для военнопленных⁷.

В связи с увеличением численности военнопленных в СССР и в целях улучшения руководства лагерями 11 января 1945 г. приказом НКВД № 0014 УПВИ было преобразовано в Главное управление НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Начальником ГУПВИ был назначен генерал-лейтенант И.А. Петров, которого 2 февраля сменил генерал-лейтенант М.С. Кривенко, бывший заместителем начальника Главного управления пограничных войск НКВД СССР; первым заместителем и начальником оперативно-чекистского отдела стал комиссар государственной безопасности 3 ранга А.З. Кобулов, младший брат Б.З. Кобулова — ближайшего сподвижника Л.П. Берии. А.З. Кобулов стал впоследствии «серым кардиналом» ГУПВИ. Вырос и статус ведомства — оно было отнесено к оперативно-поисковым подразделениям НКВД СССР. Тогда же в функции ГУПВИ впервые включили подготовку и осуществление обмена военнопленными и интернированными⁸.

16 декабря 1944 г. ГКО постановлением № 7161 обязал НКВД интернировать с направлением для работы в СССР всех гражданских трудоспособных немцев-мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и женщин от 18 до 30 лет, находившихся на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Интернированию подлежали немцы, поданные как Германии, так и всех перечисленных стран.

3 февраля 1945 г. ГКО принимает постановление № 7467 СС, в соответствии с которым НКВД обязывался интернировать всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет из Верхней Силезии и Восточной Пруссии, находившихся в тылу 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Этим же постановлением предусматривался вывоз из Германии в СССР арестованных немцев из числа руководителей низовых национал-социалистских партийных и административных органов. В результате в январе — апреле 1945 г. в СССР было завезено 208 239 интернированных немцев и лиц других национальностей, в их числе 157 101 мужчина и 51 138 женщин. Интернированные были сведены в 221 рабочий батальон численностью по 750, 1 000, 1 250 и 1 500 чел.⁹

Завершающий год второй мировой войны был и годом наибольшего поступления военнопленных в Советский Союз. Если до 1945 г. лагеря НКВД для военнопленных приняли менее 1 млн. чел., то за 1945 г. их число возросло в несколько раз. По мере вывоза военнопленных приемная фронтовая сеть сворачивалась, а внутренняя сеть лагерей для военнопленных росла. По состоянию на 8 июня 1945 г. на территории Советского Союза функционировало уже 206 лагерей¹⁰.

Еще не завершилась транспортировка в СССР военнопленных с советско-германского фронта, а через восточные границы Советского Союза стали поступать военнопленные японской армии. После разгрома Квантунской армии в Маньчжурии для временного содержания захваченных в плен японских военнослужащих было развернуто 19 армейских лагерей. 23 августа 1945 г. ГКО принимает постановление № 9898 СС, которым предусматривался вывоз пленных японцев из Маньчжурии на Дальний Восток, в Восточную Сибирь и другие районы СССР. Лагеря для них в срочном порядке были развернуты в Приморском, Хабаровском, Красноярском краях, Южно-Казахстанской и Джамбульской областях, Бурят-Монгольской АССР и Узбекской ССР. Осо-

бенно много военнопленных японцев направлялось на строительство Байкало-Амурской магистрали. Беспокойство властей вызывало обустройство японских военнопленных в условиях поздней осени и начавшейся суровой зимы. В этой связи НКВД СССР издал директиву № 196 от 12 ноября 1945 г. «О создании в лагерях НКВД для военнопленных японцев надлежащих условий быта, питания, медобслуживания и правильного трудоустройства». Позднее НКВД неоднократно возвращался к вопросам размещения японских военнопленных.

Созданные для японцев 49 лагерей были укомплектованы за счет выделения части опытных работников из существовавших лагерей НКВД и офицеров частей Красной Армии. Японским лагерям было выделено 1 200 автомашин, необходимые предметы хозяйственного обихода и инвентаря (трофейные). Для медицинского обслуживания японцев в лагерь были направлены 1 492 медицинских работника, в том числе 502 врача; развернута работа 31 спецгоспиталя на 14 700 мест. Однако эти меры не дали быстрого результата. В большинстве лагерей сложилась тяжелая обстановка. К началу 1946 г. каждый пятый военнопленный японец относился к категории ослабленных. Быстро росло число заболевших и умерших. Основными причинами смерти японских военнопленных в первые годы нахождения в СССР были дистрофия (48,2%), воспаление легких (11,9%), туберкулез (7,4%), сыпной тиф (6,4%).

Положение европейских военнопленных было примерно такое же. К концу 1945 г. смертность среди немецких военнопленных несколько снизилась, но все же оставалась высокой.

В целях улучшения физического состояния военнопленных НКВД увеличивает количество оздоровительных лагерей и лагерных отделений. Для восполнения недокомплекта медработников по решению НКВД в лагерь переводились врачи, содержащиеся в заключении, а также японские медики-военнопленные.

Питание военнопленных японцев производилось по нормам, объявленным в приказе НКВД СССР и начальника Тыла Красной Армии от 28 сентября 1945 г. При их установлении в определенной мере учитывались особенности национальной японской кухни. Вместо 300 г. хлеба японскому военнопленному полагалось 300 г. полуочищенного риса. В рацион японцев должна была вводиться приправа к кушаньям из бобов (мисо). В отличие от военнопленных-европейцев в нормах японцев было предусмотрено на 20 г. больше мяса, однако на 320 г. меньше овощей, на 15 г. — соли, на 5 г. — масла растительного.

Однако следует отметить, что очень часто военнопленные питались не теми продуктами, которые были записаны в нормах, а имевшимися в наличии. Нехватка овощей создавала угрозу авитаминоза. Для борьбы с этим еще 21 июля 1945 г. НКВД СССР директивой № 133 потребовал создать в лагерях бригады из военнопленных для сбора, заготовки и переработки дикорастущей съедобной зелени, плодов и ботвы огородных культур. И такой сбор шел ежегодно все летние месяцы.

В результате этих и других мер положение военнопленных существенным образом изменилось. Снизились заболеваемость и смертность, возросла трудоспособность пленных. Однако в целом их положение оставалось тяжелым. 1 июня 1946 г. в СССР содержались 2 038 374 военнопленных (1 571 877 — бывшей немецкой армии и 466 497 — японской), из которых 1 758 359 чел. находились в лагерях, 105 315 — в спецгоспиталях и 174 700 — в отдельных рабочих батальонах (ОРБ) МВД СССР¹¹.

Предметом пристального внимания ГУПВИ всегда являлось трудовое использование военнопленных. Начало этого процесса уходит своими корнями в годы первой мировой войны. Опыту русских промышленников

и помещиков периода 1914—1917 гг. в применении труда военнопленных последовал Л.П. Берия.

8 января 1942 г. НКВД СССР направил на места циркуляр № 5 «Об использовании всех способных к труду военнопленных на работах», по которому 3 156 немцев-военнопленных, содержащихся в Спасо-Заводском лагере, приказано было использовать в системе Наркомата угольной промышленности на разгрузке угля¹².

29 сентября 1945 г. НКВД ввел в действие «Положение о трудовом использовании военнопленных». Оно состояло из трех разделов. Первый устанавливал порядок распределения военнопленных на работы, режим рабочего времени, организацию труда, денежное вознаграждение и другие меры поощрения, а также меры наказания военнопленных. Во втором разделе содержались задачи и функции производственно-плановых отделов лагерей НКВД для военнопленных. Третий раздел устанавливал порядок расстановки рабочей силы на производстве, правила техники безопасности, меры повышения производительности труда.

Данный нормативный документ широко применялся при приеме и рассылке по работам как немецких, так и японских военнопленных. Также директивой № 199 от 13 ноября 1945 г. НКВД обязал работников лагерей при трудовом использовании японских военнопленных руководствоваться уже имевшимися нормативными документами, объявленными приказами НКВД № 00675—1943 г. и № 0249—1945 г.

В лагерях японских военнопленных организация труда была на очень низком уровне. Так, в холодное время года на открытых работах не было обогревательных пунктов, не хватало спецодежды, инструментов, техника безопасности не соблюдалась. Следствием этого был высокий травматизм. Труд военнопленных во многих лагерях применялся без учета их физического состояния. НКВД пытался взять ситуацию под контроль. На места направлялись десятки приказов, директив и распоряжений, нацеленных на улучшение организации труда военнопленных. В феврале 1946 г. НКВД под грифом «Совершенно секретно» издал «Сборник приказов и директив НКВД СССР по трудовому использованию военнопленных в лагерях НКВД», в котором систематизировались наиболее важные документы 1941—1945 гг. по рациональной организации труда военнопленных. Тираж сборника был рассчитан так, чтобы он попал в каждое лагерное подразделение.

Надо сказать, что не все военнопленные мирились со своей участью. Некоторые отказывались работать, ломали оборудование, другие, чтобы быстрее попасть домой, наносили себе увечья. Их выявлением занимались особые отделения, сообщая информацию в Оперативное управление ГУПВИ, которое затем докладывало по инстанции о наиболее характерных враждебных действиях военнопленных. МВД издавало директивы по борьбе с вредительством и саботажем в лагерях. К нарушителям принимались судебные меры. Только за 1946 — первый квартал 1947 г. за вредительство и саботаж на производстве были арестованы 703 чел., их которых 583 осудили на различные сроки. К 1 января 1949 г. число таких осужденных увеличилось до 1 108 чел.¹³

В первой половине 1946 г. все военнопленные были закреплены за предприятиями тех или иных министерств. Рабочих рук тогда не хватало, и в этих условиях руководители республик, краев и областей своими решениями нередко переводили пленных с одних объектов работ на другие. МВД в 1946 г. запретило такой перевод без своего разрешения, что привело к росту числа заявок в Госплан и Совет Министров СССР на выделение военнопленных. Заявки попадали в МВД, которое, как правило, давало на них отрицательный ответ. Однако ведущим министрам правительство нередко шло навстречу, и тогда МВД переводило военнопленных с менее значимых объектов на новые места.

Вместе с тем, стремясь добиться рентабельности всех лагерей, МВД постоянно осуществляло структурные преобразования, ликвидируя плохо работавшие и направляя пленных на более важные объекты. В частности, на Дальнем Востоке распределение военнопленных шло по таким крупнейшим предприятиям и стройкам, как тресты «Приморскуголь», «Приморзолото», «Хинганлес», «Хабаровскуголь», «Камчатлеспром», «Дальстрой» и др.

Военнопленные в СССР содержались не только в лагерях МВД. Значительная их часть по решению правительства использовалась на строительных объектах и хозяйственных работах Наркомата обороны. Это были отдельные рабочие батальоны (ОРБ) численностью по 500—1 000 чел. На 1 января 1946 г. в подчинении НКО имелось 200 ОРБ, в которых находились 210 380 военнопленных, в том числе 146 ОРБ со 142 571 военнопленным западных национальностей и 54 ОРБ с 67 809 пленными японцами¹⁴. Всю ответственность за содержание и трудовое использование военнопленных нес НКО СССР. Как правило, условия жизни и труда во многих ОРБ были хуже, чем в лагерях МВД, поэтому численность военнопленных в них быстро сокращалась: они умирали или выбывали в спецгоспитали и лагеря МВД.

Труд военнопленных в СССР использовался в самых различных отраслях промышленности. Однако существовали сферы, в которые пленных запрещалось допускать. 2 апреля 1946 г. МВД и МГБ СССР издали совместную директиву № 77/29 с «Разъяснениями о порядке использования на работе в промышленных предприятиях военнопленных немцев и японцев». В соответствии с данной директивой пленным запрещалось допускать на объекты, изготавливавшие взрывчатые вещества, боеприпасы, новые секретные образцы вооружения, на электростанции, в силовые цехи предприятий, на взрывоопасные участки работ, в лаборатории и мастерские оборонных НИИ и КБ, на склады и погрузочно-разгрузочные площадки для взрывчатых и легковоспламеняющихся веществ. Несмотря на запрет, труд пленных постепенно проникал и в эти сферы. Поэтому 22 ноября 1947 г. МВД вынуждено было издать директиву № 198 «О снятии военнопленных с работ на военно-стратегических объектах и предприятиях, продукция которых представляет собой государственную тайну».

Одним из основных направлений работы ГУПВИ в послевоенный период было «чекистско-оперативное обслуживание военнопленных». Оно осуществлялось специальными отделениями, созданными в структуре каждого лагеря в соответствии с «Положением о лагере для военнопленных», утвержденным 23 сентября 1939 г. Начальники особых отделений были выведены из-под контроля руководителей лагерей и подчинялись начальникам особых отделов соответствующих военных округов, наркомам внутренних дел республик и начальникам УНКВД.

После начала Великой Отечественной войны руководство оперативным обслуживанием военнопленных по приказу Л.П. Берии № 0371 от 15 августа 1941 г. было возложено на контрразведывательное управление (КРУ) НКВД во главе с П.В. Федотовым. Объем его работы до конца 1942 г. был относительно невелик. С 1943 г. счет пленным шел уже на сотни тысяч человек. В этих условиях НКВД потребовал перестроить работу оперативно-чекистских отделов (отделений) и оперативных отделов лагерей. Им предписывалось решать конкретные задачи, учитывая особенности в агентурной работе с военнопленными различных национальностей. Требовалось выявлять и вербовать среди военнопленных лиц, которые могли быть использованы не только на внутрилагерной работе по разоблачению военных преступников, но и в последующем, когда завербованные могли занять высокое общественно-политическое положение в своих странах.

Последний год войны был связан с массовым захватом в плен вражеских солдат и офицеров различных национальностей. На приемных пунктах

и во фронтовых лагерях проводилась первичная фильтрация пленных, отделение офицеров от рядового и унтер-офицерского состава, выявлялись лица, служившие в разведывательных и карательных органах. МВД нацеливало руководителей внутренних дел республик и начальников УМВД краев и областей на раскрытие и ликвидацию среди военнопленных и интернированных подпольных фашистских террористических организаций и групп, которые, как это следовало из ориентировок МВД, активно вели подрывную работу в лагерях, совершая диверсии, организуя саботаж, групповые побег, нападения на охрану и т. п. Эти пленные ставили своей целью по возвращении на родину уничтожить руководителей коммунистических партий и восстановление фашистского строя. Кроме того, большое внимание уделялось выявлению лиц, располагавших по роду своей прошлой деятельности важными военными, политическими и экономическими сведениями. Особое значение придавалось выявлению агентов иностранных разведок, действовавших на территории СССР.

3 декабря 1946 г. директивой № 285 МВД определило «Перечень лиц», которые являлись военными преступниками, нацистами и милитаристами, подлежащими розыску в лагерях для военнопленных. На всех лиц, отнесенных к категории главных военных преступников, предписывалось завести дела-формуляры, а на преступников — учетные дела. МВД в категоричной форме запретило репатриировать военных преступников независимо от состояния их здоровья. За этим был установлен строгий контроль, и при малейшем нарушении запрета виновные привлекались к ответственности.

По мере приближения сроков массовой репатриации МВД СССР ускорял процесс отделения и обособления военнопленных, находившихся на особом учете (служивших в СС, СА, СД, в полиции, жандармерии, разведывательных и контрразведывательных органах, организациях карательного и специального назначения). По распоряжению МВД от 24 декабря 1947 г. такие военнопленные перевозились из ОРБ МВС в лагеря МВД. В 1948 г. для этого контингента было сформировано 8 режимных лагерей и 91 режимное лагерное отделение. Всего, как следует из докладной записки министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова И.В. Сталину от 20 января 1949 г., к этому времени были осуждены 3 712 немецких военнопленных, дела в отношении 6 242 чел. находились в стадии расследования¹⁵.

Отдав необходимые указания в отношении военнопленных европейских армий, МВД СССР переключилось на военнопленных японцев. Согласно совместному распоряжению МВД, Министерства юстиции и Главной военной прокуратуры СССР от 3 августа 1949 г. аресту и привлечению к уголовной ответственности подлежали лица, в отношении которых имелись доказательства ведения ими враждебной деятельности против СССР. Разведчиков, контрразведчиков, агентуру, командно-преподавательский состав и курсантов шпионско-диверсионных школ из числа бывших противников СССР, а также работников «противоэпидемических отрядов» предписывалось судить по статьям 58⁶ и 58⁴ УК РСФСР; военных преступников, участвовавших в подготовке военного нападения на СССР, организаторов военных конфликтов на оз. Хасан и р. Халхин-Голе — по статьям 58² и 58⁴ УК РСФСР; руководящий состав общества «Киовакай»¹⁶ — по статьям 58⁴ и 58¹¹ УК РСФСР.

13 сентября 1949 г. МВД подвело предварительные итоги проделанной работы. Компрометирующие материалы для привлечения к уголовной ответственности были собраны примерно на 37 тыс. военнопленных¹⁷. Более 13 тыс. их к этому времени уже были осуждены военными трибунами.

Для окончательного рассмотрения компрометирующих материалов на военнопленных и решения вопроса об их репатриации на родину или отдаче под суд МВД СССР предложило создать межведомственную комиссию из представителей МВД, МГБ и прокуратуры СССР. Это предложение было

принято. 14 октября 1949 г. МВД СССР издает распоряжение № 634 о создании межведомственных комиссий по республикам, краям и областям.

30 ноября 1949 г. МВД СССР принимает решение о содержании всех военнопленных, осужденных военными трибуналами по заключениям межведомственных комиссий, в специальных лагерях ГУПВИ. Всего для их содержания был утвержден список из 11 лагерей на 17 300 мест, из них 9 лагерей на 15 300 мест — для осужденных немецких военнопленных и 2 — для японских. Всем осужденным и подследственным была запрещена переписка с родственниками.

25—30 декабря 1949 г. в Хабаровске прошел открытый судебный процесс над бывшими военнослужащими японской армии, обвинявшимися в подготовке к применению бактериологического оружия, над руководством Квантунской армии и группой руководящих работников так называемого «противоэпидемического отряда № 731». По этим делам 12 военнопленных были осуждены на разные сроки наказания¹⁸.

Одним из основных направлений работы ГУПВИ в послевоенный период стала организация репатриации военнопленных и интернированных. Репатриация из Советского Союза началась сразу же после окончания войны в Европе и к 1950 г. стала массовой. Первые партии освобожденных военнопленных состояли из нетрудоспособных, малотрудоспособных и небольшого числа отличников-производственников (для стимуляции производительности труда у оставшихся). Всего в 1945 г. освободили и вывезли из СССР 1 015 749 военнопленных западных армий. В том же году были репатриированы раненые и больные военнопленные японской армии. Всего советское командование 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов освободило 65 245 чел., из которых 40 239 чел. были переданы местным властям и 25 006 чел. отправлены в Японию¹⁹.

Военнопленные западных армий по постановлению ГКО № 9843 СС от 13 августа 1945 г. делились на 3 группы. В 1-ю попадали пленные чехи, словаки, сербы, хорваты, словенцы, боснийцы (более 62 тыс. чел.). Их освобождение и передачу осуществляли непосредственно органы НКВД. Во 2-ю группу вошли военнопленные итальянцы, бельгийцы, голландцы, люксембуржцы, болгары, датчане, швейцарцы, норвежцы, американцы, шведы, греки, англичане (более 20 тыс. чел.), передача которых прошла через аппарат уполномоченного по репатриации при СНК СССР генерал-полковника Ф.И. Голикова. Военнопленных этой группы предписывалось одеть в годное трофейное обмундирование. Самой многочисленной была группа (622 тыс. чел.), в которую включили нетрудоспособных (в 1-ю и 2-ю группы военнопленные включались независимо от состояния здоровья) немцев (412 тыс. чел.), венгров (150 тыс.), австрийцев и румын (по 30 тыс.). Не подлежали репатриации (независимо от состояния здоровья) лица, совершившие зверства на территории СССР или служившие в войсках СС, СД, СА и гестапо. За выполнением этого пункта приказа НКВД осуществлял строгий контроль, неоднократно об этом напоминая. Так, в двух директивах НКВД СССР подчеркивалось что освобождение касается всех военнопленных, «кроме участников зверств и лиц, служивших в войсках СС, СД, СА и гестапо»²⁰.

В 1946 г. из СССР на родину были репатриированы и первые японские военнопленные. По приказу МВД СССР № 00916 от 11 октября 1946 г. передаче органам репатриации подлежали 25 тыс. здоровых военнопленных, отправлять которых предписывалось в составе существовавших рабочих батальонов. Больных и ослабленных в число репатрируемых включать запрещалось. Всего в 1946 г. по данному приказу были репатриированы 18 616 японских военнопленных. Из докладной записки С.Н. Круглова о ходе репатриации японцев, направленной И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии, следовало, что для этой цели оборудовали лагеря в порту Находка, г. Чите и на станции Мальта

Иркутской области. Согласно упомянутой записке японцы репатриировались физически здоровыми и обеспеченными годной к носке одеждой и обувью. Эшелоны с японскими военнопленными снабжались кухонными очагами, посудой, инвентарем, продуктами из расчета трехразового питания в сутки, обслуживались медперсоналом и обеспечивались медикаментами.

Вместе с тем министр внутренних дел С.Н. Круглов отмечал, что «в силу климатических условий в январе-марте 1947 г. репатриация японских военнопленных и интернированных не будет производиться»²¹.

В марте 1947 г. репатриация из СССР японских военнопленных и интернированных была возобновлена. Согласно постановлению Совета Министров СССР № 3014 от 28 августа 1947 г. МВД освободило и передало органам репатриации 12 500 военнопленных японских офицеров в звании не выше капитана, не занятых на работах, а также гражданских чиновников.

В 1947 г. из военнопленных немцев на родину попадали только больные и антифашисты, отправлявшиеся в Германию в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) по персональным спискам. Процесс репатриации японских военнопленных в тот период шел параллельно с ухудшением их здоровья (т. е. отправляли в Японию больных), в связи с чем смертность среди военнопленных японцев значительно снизилась. Если в 1945 г. на территории СССР умерли 24 804 японских военнопленных, то в 1947 г. — 5 843 чел., в 1948 г. — 1 448 чел.²²

В марте-апреле 1947 г. в Москве состоялась 4-я сессия Совета министров иностранных дел СССР, Великобритании, США и Франции, на которой советская делегация предложила завершить репатриацию немецких военнопленных, находившихся на территории союзных держав и на всех других территориях, до 31 декабря 1948 г. 23 апреля это предложение было принято. Однако СССР не выполнил взятых на себя обязательств. В 1947 г. в общей сложности было репатрировано 550 524 немецких и японских военнопленных²³.

В 1948 г. СССР покинули 646 281 военнопленный и 29 177 интернированных. На 1 января 1949 г. на территории СССР продолжали оставаться 542 376 чел., в том числе 450 964 военнопленных из бывших европейских армий (430 670 немцев) и 91 612 чел. из японской армии²⁴.

Перенесение репатриации на неопределенный срок не могло не вызвать протеста среди военнопленных. Поэтому МВД СССР дало указание своим органам на местах усилить агентурную работу среди военнопленных, являвшихся организаторами и инициаторами враждебных действий в лагерях. Одновременно с репрессивными мерами 4 января 1949 г. было опубликовано сообщение ТАСС с обещанием завершить репатриацию в течение 1949 г. Вслед за этим вышли в свет постановления правительства о завершении репатриации военнопленных тех или других национальностей: немцев, австрийцев, японцев.

10 июня 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление № 2326—905 С о репатриации в Японию в июне-ноябре 95 461 японского военнопленного. До 1 ноября органам репатриации было передано 89 213 чел. О возможности репатриации остальных МВД СССР в соответствии с решением Совета Министров № 5038—1924 СС от 2 ноября должно было представить в правительство свои предложения. МВД сочло возможным репатриировать еще 1 664 японских военнопленных, а 971 чел., совершивших преступления на территории Китая, передать правительству КНР. В СССР было предложено оставить 4 573 японских военнопленных, в том числе, 1 690 уже осужденных.

5 марта 1950 г. министр иностранных дел А.Я. Вышинский и министр внутренних дел С.Н. Круглов представили И.В. Сталину проекты постановлений Совета Министров СССР и проекты сообщений ТАСС об окончании репатриации немецких и японских военнопленных. Согласно им в Германию предполагалось репатриировать 17 552 чел. и в Японию — 1 585 чел., оставить в СССР 13 532 немецких и 1 683 японских военнопленных и интернированных гражданских лиц. В печати сообщения ТАСС об окончании репатриации

из СССР японских и немецких военнопленных были опубликованы соответственно 22 апреля и 5 мая²⁵. Также вышли в свет приказы о репатриации австрийских военнопленных и интернированных граждан Румынии.

После смерти И.В. Сталина 7 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии, в соответствии с которым 2 219 иностранных граждан, осужденных военными трибуналами в СССР и за границей, подлежали освобождению из мест заключения.

Новая волна освобождения военнопленных началась весной 1955 г. 4 июля 1955 г. межведомственная комиссия вносит в ЦК КПСС предложение о целесообразности освобождения и репатриации на родину всех иностранных граждан, осужденных за преступления, совершенные в период второй мировой войны.

Осужденных японцев ЦК КПСС по предложению МВД СССР и МИД СССР решил репатриировать сразу же после ратификации совместной советско-японской декларации от 19 октября 1956 г., но не позднее 20—25 декабря 1956 г. 13 декабря 1956 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии осужденных в Советском Союзе японских граждан. Передача последней группы японских военнопленных в количестве 1 025 чел. состоялась 23 декабря 1956 г. в порту г. Находки.

¹ «Гриф секретности» снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 86.

² Женевская конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Принята на международной дипломатической конференции в Женеве 27 июля 1929 г. М., 1932. С. 5.

³ Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы. Под ред. М.М. Загоруйко. М., 2000. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Там же.

⁸ Безбородова И.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД—МВД СССР в послевоенный период (1945—1953 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 166.

⁹ Военнопленные в СССР ... Документы и материалы. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Там же. С. 542.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 52.

¹⁶ «Киовакай» (Кевакай) — прояпонская националистическая организация в Маньчжурии. За 1937—1941 гг. центральный совет этой организации издал 2 млн. экземпляров листовок и др. печатных материалов, главным содержанием которых были восхваление японской политики, пропаганда ведущей роли Японской империи в Азии, призыв к населению Маньчжурии бороться против Советского Союза.

¹⁷ Там же. С. 776.

¹⁸ Там же. С. 920.

¹⁹ Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: права и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 71.

²⁰ Военнопленные в СССР... С. 808.

²¹ Там же. С. 829.

²² Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР... С. 70.

²³ Военнопленные в СССР... С. 57.

²⁴ Там же. С. 57.

²⁵ Правда. 1950. 22 апр., 5 мая.

Summary. «Prisoners of War and Internees by NKVD-MVD of the USSR in the Russian Far East in the 30-s—50-s of the 20th Century» is the theme of the article by candidate of historical Sciences Elena Bondarenko.

This article is the final one of the series of materials by E. Bondarenko about prisoners of war.